

Отечественный вариант гендерных исследований

Автор: О. И. КЛЮЧКО

(Проблемы методологии)

За последнее десятилетие термин "гендер" стал привычен в лексике современных научных исследований. Растет количество научных работ, в названии которых он фигурирует. Иногда это вызывает раздражение: "Ну сколько можно? Неужели нет других тем!". Хотелось бы надеяться, что столь интенсивная разработка данной проблематики - свидетельство ее актуальности и востребованности, а также пока недостаточной реализации гендерного подхода на практике. Однако следует привлечь внимание не к количеству работ на эту тему, а к их качеству, и прежде всего коснуться наиболее важного вопроса о методологии гендерного исследования.

Методологическая база практической гендерологии остается "слабым местом" отечественных работ. Остановлюсь подробнее на их специфических особенностях. Прежде всего отмечу расширительную трактовку самой категории "гендер", используемой практически в любой области знания, где речь идет о половой принадлежности людей. По саркастичному выражению Г. Брандт, "гендер" сегодня у нас - все, что "про мужчин и женщин", сюда же "про любовь", "семью", словом, как прямо обозначено в одном из пленарных докладов на конференции "Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре", состоявшейся в Екатеринбурге, он про все богатство отношений между мужчиной и женщиной [Брандт, 2003].

Большинство авторов отмечают терминологическую путаницу при разработке гендерной тематики. Так, С. Лузан и Е. Рузанкина собрали целую "коллекцию" гендерных терминов зарубежных и отечественных исследователей [Лузан, Рузанкина, 2006]. Многообразие трактовок свидетельствует как о наличии нескольких направлений научных исследований, так и о попытках еще раз как можно определеннее дистанцироваться от биодетерминизма, продемонстрировать культурно-историческую доминанту в социализации мужчин и женщин. Все варианты определений гендера и его производных (гендерные роли, система, дисплей, идентичность и пр.) объединяет использование терминов "социальные", "общественные", "социокультурные", и все они даются через противопоставление категории "пол" или в дополнение к ней.

Расширительная трактовка зачастую смешивает и предмет, и метод, и субъект анализа. По-прежнему к гендерным относят исследование, проведенное женщинами с целью изучения женских особенностей или женского опыта, то, что чаще принято называть "женские исследования" (*women's studies*). Однако очевидно, что простой констатации этой специфики недостаточно: необходим анализ и интерпретация того, как этот опыт

К л ю ч к о Ольга Ивановна - кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

осознается и понимается самими женщинами и окружающими, какое значение он имеет для идентификации и самореализации не только самих женщин, но и их близких - детей, мужей, родителей, родственников и друзей. Возникает вопрос - любое ли "женское исследование" может считаться гендерным?

Известно, что среди исследователей женской субъективности преобладают женщины и наоборот - мужские исследования проводят мужчины. В. Еремеева и Т. Хризман отмечают: "Нам не дано побывать в мире иного пола, пожить его проблемами, поболеть его болезнями, проникнуть в мир его мыслей, понятий, отношений..." [Еремеева, Хризман, 2001, с. 14]. Однако есть и исключения. Например, фундаментальное исследование П. Щербинина "Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII - начале XX вв.", в котором сквозь призму женского восприятия войны исследовано правовое, семейное, социальное, экономическое положение российской солдатки, менталитет и повседневно-бытовые реалии семей призванных на войну солдат, а также участие женщин в войнах в качестве сестер милосердия, воинов. Причем отмечается, что кроме ужасающих тягот и лишений война приносит женщинам и возможность самостоятельности, новой самоидентификации, активности вне семьи, хотя и с полной ответственностью за себя и за своих детей. Автор ни в коем случае не рассматривает войну как основную причину женской эмансипации, тем более, что с ее завершением заканчивались и "женские свободы", однако привлекает внимание к тому, что столь тяжкие испытания могут приводить и к положительным последствиям - активизации женских организаций, повышению внимания со стороны властей к положению провинции, публичному обсуждению многих острых проблем женщин [Щербинин, 2004]. И хотя в данной работе лишь в предисловии упоминается гендерная терминология, это, безусловно, гендерное исследование, в котором преодолены и стереотипы изучения войны и предвзятое отношение к истории повседневности, игнорировавшие индивидуальные проявления "обычного" человека, тем более - место женщины в столь глобальном явлении, как война и милитаризм в целом.

Весьма распространенным в отечественных работах остается так называемый "псевдогендерный" подход - распределение данных по полу в стандартном социологическом, демографическом или психологическом анализе. Такая ситуация складывается в том случае, когда ученые осознанно или неосознанно стоят на биодетерминистских позициях, а термин "гендер" используют как "более современный". О. Воронина отмечает, что содержательно ситуация не меняется даже тогда, когда пол как биологический факт и гендер как социальная конструкция авторами все же различаются, но наличие двух противоположных "гендеров" (мужского и женского) принимается как отражение двух биологически разных полов [Теория... 2001].

Приведу в пример материалы недавней конференции "Гендерное образование в подготовке учителя", где четко проявились подобные взгляды. Так, в статье Л. Градусовой "Гендерный подход в обучении и воспитании дошкольников" отмечается, что "обеспечение гендерного подхода предполагает применение знаний о характере процесса полоролевого развития" (о различиях мальчиков и девочек в различных видах деятельности); и ниже - "необходимо создание среды, способствующей наиболее полной реализации интересов, свойственных полу ребенка" [Гендерное... 2006, с. 44 - 46]. Таким образом, происходит нивелирование индивидуальных качеств и интересов ребенка, ему приписываются свойства, якобы присущие всем детям данного пола.

Педагоги и психологи нередко забывают, что межиндивидуальные различия часто оказываются значимее межполовых. Чаще всего подчеркиваются гендерные различия в математических способностях, агрессивном поведении (преобладают у мужчин), эмпатии, эмоциональности, конформности, лингвистических и коммуникативных способностях (преобладают у женщин) [Берн, 2001].

Ставший классическим тезис Ворониной, что "сам по себе факт биологических, социальных, психологических различий между мужчинами и женщинами не так важен, как их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий" [Теория... 2001, с. 105], цитируется в большинстве работ, посвя-

ценных гендерных исследованиях. Однако реальная ситуация такова, что данный методологический принцип недостаточно четко и последовательно прослеживается в практической реализации. Гендерный подход основан на следующей идее: важны не биологические или физиологические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое им придает общество.

Так, в работе Е. Ильина "Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины" речь, в частности, идет о функциональной асимметрии. Со ссылкой на ряд авторов утверждается, что вследствие большего размера правого полушария мужчины имеют существенно больше шансов стать математиками, художниками и музыкантами и это однозначно положительно [Ильин, 2002, с. 38, 39]. Однако такие факты, как использование женщинами обоих полушарий при осмыслении слов, а также более быстрое восстановление основных функций мозга после повреждения не находят столь положительной трактовки. Кроме того, в работе подробно описывается климактерический период как исключительно женская характеристика и совершенно не упоминаются аналогичные явления у мужчин. Вместе с тем автор в предисловии подчеркивает, что старался не отдавать предпочтения ни биологическому, ни социальному рассмотрению проблемы и объективно описывать различия между мужчинами и женщинами [Ильин, 2002, с. 43, 8].

Таким образом, по моему мнению, гендер - не предмет исследования. В русской языковой традиции использование данного понятия в таком качестве скорее запутывает. Объект гендерных исследований - люди конкретного пола (мужчины и женщины, гетеро- и гомосексуалы, транс- и бисексуалы). Предмет исследования - пол и процесс его формирования и интерпретации в историческом и социально-культурном контексте, построение системы власти и иерархии на основе половых различий. Гендер - методологическая позиция, метод, инструмент, позволяющий открывать новые перспективы видения как бытия человека, так и любого явления общества и культуры.

И еще. Отечественные гендерные исследования грешат выраженным редукционизмом - сведением всех форм взаимоотношений людей к гендерным, а затем к биологическим. Редукционизм проникает в интерпретации западных определений и концепций гендера. Такая ситуация наблюдается, в частности, при интерпретации Е. Гаповой и А. Усмановой концепции Г. Рубин. В предисловии к изданной ими антологии гендерной теории говорится: "В "Обмене женщинами", классике феминистской антропологии, Рубин выводит патриархальный гендер из биологического пола..." [Гапова, Усманова, 2000, с. 9]. В действительности же Рубин в своем эссе говорит нечто прямо противоположное, всячески подчеркивая приоритет социального в системе "пол/гендер". Пол (*sex*), включающий гендерную идентичность, сексуальное желание и фантазию, а также представление о детстве, является сам по себе социальным продуктом [Введение... 2001]. Как убедительно показала Т. Барчунова, редукционизм - проявление фундаментализма, он стремится свести социальные явления к некоему предельному основанию, что в корне противоречит конструктивистскому смыслу гендерного анализа. Любого рода редукционизм приводит к формулировке глобальных метафизических принципов, которые ослабляют объяснительную модель гендера [Барчунова, 2002].

Так, в ряде статей в указанных материалах конференции уравниваются термины "гендерное обучение/раздельное обучение". В частности, А. Копылова, не мудрствуя лукаво, связывает повышение успеваемости девочек с обеспечением психоэмоционального комфорта при дифференцированном по полу обучении. Вероятно, она считает это достаточным для учета психофизиологических особенностей детей, так как никакой иной специфики в статье не выделяется [Гендерное... 2006]. С. Рожкова в статье "Гендерные особенности коммуникативной компетентности учителя" описывает стили общения мужчин и женщин, а также представления у детей об учителях разного пола как диаметрально противоположные, причем ни возраст, ни педагогический стаж, ни преподаваемый предмет в исследовании не учитываются [Гендерное... 2006]. Неужели достаточно разделить изучаемую выборку на две части (причем даже не равные) по признаку пола, чтобы считать исследование гендерным?

Следующая характерная особенность гендерных исследований в России - широкое использование признанных и авторитетных, но уже несколько устаревших теорий. Яркий пример таковых - концепция андрогинии С. Бем. Психолог Н. Радина вполне обоснованно замечает, что на основании модели феминности-маскулинности строится значительное число современных исследований [Радина, 2006]. Так, Л. Лукинской выделяются феминные, маскулинные, андрогинные девушки и юноши. Отмечается, что высокая степень андрогинии больше выражена у девушек (хотя данный факт никак не интерпретируется), а также то, что педагог, обладающий андрогинным набором характеристик, может проявлять большую профессиональную гибкость [Гендерное... 2006]. Но не ясно, что же хотел сказать автор? Должны ли андрогинные девушки становиться педагогами либо необходимо развивать андрогинию у всех педагогов.

В момент создания модель, предложенная Бем, играла положительную роль и позволила исследователям любые характеристики в описании человека маркировать как "мужские" или "женские". Позднее рефлексии и критике был подвержен сам принцип приписывания членам этих групп любой человеческой характеристики, пришло понимание социальной конструируемости феминного-маскулинного измерения, что и отражено в теории линз гендера (теория гендерной схемы) [Бем, 2004]. Теория гендерной схемы сосредоточена на вопросах восприятия и познания, то есть проблематизируется сам процесс получения знаний об окружающем мире и мужчинах и женщинах в нем. Нетривиально поставленный вопрос Бем о том, как узнать, является ли мужским или женским то или иное исследуемое качество, привел к выводу, что познавательная система человека сформирована опосредованно через поляризацию мужского и женского, их иерархию и интерпретацию подобного положения при помощи биологизации этого процесса, то есть к объяснению того, что все это естественно.

Теория линз объясняет, что нет никаких мест и профессий, которые бы имели исконные, естественные и неизменные половые индикаторы. Вспомним хотя бы профессию врача в царской России, которая всего лишь сто лет назад была прерогативой мужчин, то есть "мужской". Теперь она по большей части - "женская". Так же до сих пор считается, что как женщины, так и мужчины не могут обладать всем спектром человеческих характеристик. Женщины якобы не обладают психологическими свойствами "настоящего" руководителя, а мужчины якобы не имеют психологических предпосылок для заботы о младенцах, больных, пожилых и ведения домашнего хозяйства. Бем доказывает, что биологические явления не имеют фиксированного, независимого значения, их социальный смысл зависит от исторического и культурного контекста.

Нельзя не остановиться на таком распространенном явлении, как стремление дистанцироваться от маркировки исследования в качестве профеминистского, объясняя использование гендерной терминологии стремлением следовать общенаучным тенденциям, а также избежать обвинений в политизированности и ангажированности западными фондами. Однако не раз подчеркивалось, что в России негативно относятся лишь к термину "феминизм", но не к феминистским идеям, тем более, если они не маркированы таким образом. На данный момент очевидно, что феминизм как научное направление и общественное движение перерос этимологию этого слова, что он не только "про" и "за" женщин, а "за" адекватное понимание жизненной практики человека любого пола, что он, наконец, вообще совершил революцию в самопознании человека, "открыв", что у него есть пол. Х. Хейн полагает: "принять феминистскую позицию - это значит открыто признать *точку зрения пола* на все аспекты интеллектуальных и социальных действий" [Hein, 1990, p. 282].

Хотелось бы привести пример недавних исследований, в которых подобные методологические сложности успешно и продуктивно решены. Так, К. Фофановой разработана модель социальной политики на примере Республики Мордовия, ориентированная не на абстрактного индивида, но на имеющего социально-демографические (пол, возраст), этнонациональные признаки, территориальные, статусные характеристики, предложена схема гендерной экспертизы социальной политики, выделены системно-структурные типы анализа гендерно-чувствительной бюджетной политики [Фофанова, 2005]. Т. Да-

даева, используя полипарадигмальный подход, выраженный в интеграции объективизма и социального конструктивизма (субъективизма), показала центробежные и центростремительные тенденции развития гендерной структуры регионального социума как на макро-, так и на микроуровнях, уловив тесную взаимосвязь между динамикой гендерной структуры рынка труда и занятости и развитием гендерных отношений в современной семье [Дадаева, 2005].

Таким образом, налицо как реальные сложности, так и плодотворные попытки решения методологических проблем гендерных исследований в отечественном варианте. Хочется выразить искреннюю надежду не только на транскрибирование зарубежного опыта, но и его критическое осмысление и реальное использование на российских просторах и в теоретическом, и в практическом смыслах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барчунова Т. В. "Эгоистичный гендер", или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность.* 2002. N 5.

Бем С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.

Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001.

Брандт Г. А. Гендерные исследования в России: особенности и проблемы // *Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов.* Сб. науч. статей. Самара, 2003.

Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия. Харьков-СПб., 2001.

Гапова Е., Усманова А. Предисловие // *Антология гендерной теории.* Минск, 2000.

Гендерное образование в подготовке учителя: материалы всероссийской конференции 5 - 8 июня 2006 г. Томск, 2006.

Дадаева Т. М. Гендерная структура современного общества: реальность и тенденции развития. Саранск, 2005.

Еремеева В. Д., Хризман Т. П. Девочки и мальчики - два разных мира. СПб., 2001.

Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002.

Лузан С. С., Рузанкина Е. А. Гендерная социализация и высшее профессиональное образование. Новосибирск, 2006.

Радина Н. К. Гендерная методология в социальной психологии // *Гендер как инструмент познания и преобразования общества.* М., 2006.

Теория и методология гендерных исследований. М., 2001.

Фофанова К. В. Социальная политика в сфере гендерных отношений (региональный аспект). Саратов, 2005.

Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII - начале XX в. Тамбов, 2004.

Hein H. The Role of Feminist Aesthetics in Feminist Theory // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism.* 1990. N 4.